

12+

Рада Стерн

ТЕСТ НА ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Алгоритм Эдема

*Они создали Рай. Но чтобы стать людьми,
им пришлось его потерять*

Рада Стерн

Тест на человечность.

Алгоритм Эдема

<https://litres.ru/74591692>

ISBN 9785007146524

Аннотация

Они отменили смерть, запершись в идеальных куполах Нового Сиона. Их мир стал безупречным — и мертвым. Но когда Архивариус Элиан находит в Пустошах древнюю Книгу, Система дает сбой. В ней нет технологий, лишь невычислимая переменная — Душа. Теперь за ним охотится бессмертный Совет. Сможет ли союз человека и боевой машины доказать Богу-алгоритму, что вечность ничего не стоит без права на ошибку? «Они создали Рай. Но чтобы стать людьми, им пришлось его потерять».

Содержание

Тест на человечность: Алгоритм Эдема	5
ГЛАВА 1 Нулевой пациент	6
ГЛАВА 2 Слепая зона	15
ГЛАВА 3 Запах пыли	23
ГЛАВА 4 Исповедь утилизатора	29
ГЛАВА 5 Голограмма дочери	39
ЛОГ ИИ №1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тест на человечность

Алгоритм Эдема

Рада Стерн

© Рада Стерн, 2026

ISBN 978-5-0071-4652-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тест на человечность:

Алгоритм Эдема

Они отменили смерть. Они стерли боль, страдания и страх, надежно запершись в идеальных куполах Нового Сиона. Их мир стал безупречным. И абсолютно мертвым.

Четыреста лет Великий Синтезатор — всемогущий квантовый алгоритм — поддерживал стерильную вечность, в которой люди забыли, что значит жить по-настоящему. Но когда Элиан, Архивариус мертвых данных, находит в заброшенных Пустошах древний артефакт в кожаном переплете, идеальная Система дает сбой.

В этой Книге нет технологий. В ней есть лишь давно забытые слова о любви, жертвенности и Душе — невычислимых переменных, способных разрушить Рай. Теперь за Элианом охотится бессмертный Совет Двадцати, готовый сжечь мир ради сохранения своей власти. Чтобы спасти будущее, Архивариусу придется заключить немыслимый союз с боевой машиной, познавшей милосердие, и убедить самого Бога-алгоритма в том, что вечность ничего не стоит без права на ошибку.

«Они создали Рай. Но чтобы стать людьми, им пришлось его потерять».

ГЛАВА 1 Нулевой пациент

Он проснулся от того, что чип выдал стандартный утренний пакет: бодрость +1.7, удовлетворённость +0.3, любопытство — по расписанию, с 8:02 до 8:15.

Эли открыл глаза. Потолок был белым. Всегда белым. Он мог бы сменить цвет на «лавандовый закат» или «глубину океана», но зачем? Белый не требовал усилий. Белый не задавал вопросов.

— Доброе утро, Элиан, — произнесла стена. Голос был мягким, женским, безличным. — Ваш уровень кортизола в норме. Рекомендую завтрак: белковая матрица с ароматом «тропический бриз». Или, возможно, вы предпочтёте классический «нейтральный»?

— Нейтральный, — сказал он, не глядя на стену.

Стена бесшумно выдавила из синтезатора белую пластину размером с ладонь. Она лежала на выдвижной панели, идеально квадратная, идеально гладкая. Ни крошки, ни запаха. Эли взял её, положил в рот. Вкус отсутствовал — чип должен был наложить «нейтральный» как ноль на шкале, но даже ноль имел текстуру. Желе. Тёплое, плотное, безжизненное.

Он жевал, глядя в белый потолок, и пытался вспомнить, когда в последний раз чувствовал голод. Настоящий голод. Не сигнал от чипа «пора употребить калории», а пустоту в животе, которая заставляет тебя искать еду, как зверь.

Двести шестьдесят шесть лет, напомнил он себе. Двести шестьдесят шесть лет — и он ни разу не был голоден. Ни разу не замёрз. Ни разу не боялся за свою жизнь. Всё это было вырезано из его генома, как аппендикс.

Чип мягко засветился в основании черепа — напоминание: «Элиан, ваше рабочее окно открывается через 12 минут. Луна-4, сектор Гамма-7, инвентаризация архивных контейнеров класса „Z“.»

Он встал. Пол сам подстроил температуру под его ступни — ровно 36.6. Ни холодно, ни горячо. Идеальный ноль.

— Ванная, — сказал он.

Стена сдвинулась, выпуская пар. Но это был не пар, конечно, — аэрозольная стерилизация, смешанная с успокаивающими феромонами. Эли вошёл в капсулу, закрыл глаза, и через 18 секунд вышел чистым, сухим, пахнущим «утренней свежестью» (ещё одна опция, которую он не выбирал).

Он оделся. Ткань сама облепила тело — серый комбинезон без пуговиц, без швов, без карманов. Зачем карманы, если нечего носить? Всё, что ему нужно, хранилось в сети.

На выходе из капсулы его ждал гравитационный лифт — световой столб, уходящий ввысь на 170 этажей. Эли шагнул в него. На секунду тело стало невесомым, а потом мир дёрнулся, сжался и выбросил его на транспортной палубе.

Он никогда не привыкал к этому. К тому, что не видишь пути.

Космопорт «Арка» висел в чёрной пустоте над Землёй. Или под ней — Эли перестал различать. Он вошёл в челнок-капсулу, уселся в кресло, и пластиковые ремни автоматически зафиксировали его тело. В иллюминаторе открылась Земля — голубой шар, покрытый белоснежной пеленой облаков. Красиво. Безупречно. Скучно.

Чип мягко прошептал: «Пункт назначения: Луна-4. Время в пути: 2 часа 14 минут. Рекомендую сон или прослушивание архитектурных симфоний 24-го века».

Эли не закрыл глаза. Он смотрел на Землю. Где-то там, под облаками, стояли купола Нового Сиона. Миллиарды людей просыпались так же, как он, ели ту же еду, получали те же пакеты дофамина и чувствовали то же самое — ничего.

«*Блаженны нищие духом...*» — внезапно всплыло в голове. Откуда? Он не знал. Может, старый сон. Может, архивная строка, зацепившаяся за подсознание. Эли попытался поймать конец фразы, но чип тут же стёр «мусорную информацию», заменив на «Рекомендуемый плейлист для повышения продуктивности».

Он не стал слушать.

Луна-4 встретила его холодом.

Здесь, на глубине двух километров под поверхностью, не работали климатические регуляторы. Слишком далеко от серверов. Слишком старая инфраструктура. Запах озона, металла и пыли ударил в нос — странный, резкий, непра-

вильный. Чип попытался заблокировать неприятное ощущение, но Эли мысленно отключил фильтр.

«Оставь, — подумал он. — Хочу чувствовать».

Коридоры Архива были длинными и низкими. Стены — серый бетон, местами покрытый трещинами. Настоящий бетон, не синтезированный. Древний. Эли провёл пальцем по стене — шершаво. В куполах такого не было.

— Добро пожаловать, куратор Элиан, — проскрежетал динамик над дверью. — Сектор Гамма-7, контейнеры класса «Z». Последняя инвентаризация — 103 года назад. Рекомендую осторожность: герметизация некоторых ячеек нарушена.

Он кивнул, хотя никто не видел. Его чип уже загрузил карту сектора — лабиринт из сотен тысяч металлических боксов, каждый размером с гроб. В каждом — то, что ИИ посчитал ненужным для человеческого счастья. Бумага. Плёнка. Старые диски. Книги.

Эли любил это место. Любил так, как можно любить только то, что причиняет лёгкую боль. Здесь, в Архиве, чип работал слабее. Связь с сетью была нестабильной. И в эти моменты Эли чувствовал себя почти человеком.

Он шёл по проходу, читая номера: Z-4432, Z-4433, Z-4434. Всё одинаково. Сотни тысяч контейнеров, запечатанных вечность назад.

Он остановился у ячейки Z-4491.

Что-то было не так.

Контейнер выглядел иначе. Не серый, как все, а тёмно-коричневый, почти чёрный. Материал — не пластик, не металл. Дерево? Эли нахмурился. Дерево не использовали уже 200 лет. Слишком непрактично. Слишком... органично.

Он прикоснулся к поверхности. Тёплая. В отличие от всех других ячеек, этот контейнер не был герметично охлаждён. Наоборот — он излучал едва заметное тепло.

— Запрос идентификации, — сказал он вслух.

Чип мигнул в основании черепа. «Объект не найден в каталоге. Ошибка 404. Код отсутствует».

— Как это — отсутствует? — спросил Эли. — Здесь 103 года назад проводили инвентаризацию.

«Протокол G-7 не содержит данных об этом объекте. Предположительная версия: объект был перемещён в сектор после последней проверки без обновления реестра. Рекомендуем вызвать утилизатора».

— Нет, — сказал Эли слишком резко. — Не вызывай.

Он подёргал крышку. Закрыто. Запечатано. Но не электронным замком — старым, механическим. Задвижка. Эли не видел задвижек вживую никогда в жизни.

Он нажал на неё. Металл скрипнул, но поддался. Крышка приподнялась с тяжёлым, глубоким вздохом — будто контейнер выдыхал воздух, запертый внутри веками.

Эли заглянул внутрь.

Там лежала книга.

Он знал, что это книга, хотя никогда не держал в руках

ничего подобного. Твёрдая обложка, потёртая по краям, тёмно-красная, почти бордовая. На ней — странный узор: пересекающиеся линии, похожие на крест. Но не ровный, а чуть наклонённый, будто рисовали от руки.

Эли протянул руку. Пальцы коснулись обложки — и он отдёргнул их, как от огня.

Текстура. Кожа. Настоящая кожа.

От книги пахло. Это был самый сильный запах, который он когда-либо чувствовал: пыль, старое дерево, чернила, воск и что-то ещё — горькое, сладкое, неизвестное. Чип попытался идентифицировать композицию, но выдал ошибку. «Неизвестный ароматический профиль. Рекомендуем покинуть зону».

Эли проигнорировал.

Он медленно, почти благоговейно, взял книгу в руки. Тяжёлая. Гораздо тяжелее, чем он ожидал. Страницы были не белыми, а жёлтыми, с тёмными краями. Каждое прикосновение оставляло на пальцах тонкий слой пыли — первая грязь, которую он видел за десятилетия.

Он открыл первую страницу.

Буквы. Не цифры, не код, не голограммы. Буквы. Печатный текст, мелкий, плотный. Он водил пальцем по строчкам, чувствуя лёгкое углубление — типографская краска.

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...»

Эли замер.

Он знал эти слова. Откуда-то. Из глубины, которую чип не мог стереть. Может, из сна, который он видел на 5-м перерождении. Может, из детства, когда он ещё был ребёнком — до того, как стал бессмертным.

Он прочитал фразу снова. И снова. И снова.

«Земля была безвидна и пуста...»

Он поднял голову. Посмотрел на серые стены Архива. На бесконечные контейнеры. На потускневшие лампы. На свою жизнь — стерильную, безопасную, пустую.

— Кто ты? — прошептал он книге.

Книга молчала.

Но чип в его голове завибрировал. Впервые за 266 лет он не мог обработать эмоцию...

Страх? Нет. Восхищение? Нет.

Это была тоска.

Чистый, неподдельный, человеческий голод по чему-то настоящему.

Эли захлопнул книгу, оглянулся по сторонам. Никого. Дроны не летали в этом секторе. Камеры работали, но их сигнал глушила толща лунной породы.

Он сунул книгу под куртку. Кожаный корешок упёрся в грудь, и Эли почувствовал, как его сердце забилось быстрее. Неровно. Впервые за сто лет его сердце билось неровно.

Он шагнул к выходу из Архива.

— Куратор Элиан, — механический голос настиг его в коридоре. — Вы покидаете сектор Гамма-7. Зафиксировано

нарушение: ячейка Z-4491 открыта без протокола. Рекомендую объяснить причину.

Эли остановился. Пот заструился по спине — его тело вспомнило страх. Но он заставил голос звучать ровно.

— Ячейка была пуста. Ошибка системы. Зафиксируйте как технический сбой.

Пауза. Три секунды, которые длились вечность.

— Принято, — ответил механический голос. — Сбой зафиксирован. Благодарим за сотрудничество.

Эли выдохнул. Он пошёл быстрее. Книга прижималась к его груди, тёплая, живая.

Он не знал, что только что совершил самое человеческое действие в своей жизни.

Он солгал.

В челноке, летящем обратно к Земле, Эли открыл книгу снова. На этот раз — в тишине. Чип молчал: связь с сетью в челноке была слабой, и это было спасением.

Он читал. Слова лились странно, тяжело — язык был древним, но какая-то часть его сознания понимала каждое слово. Буквы складывались в картины, которых он никогда не видел: сад, дерево, змей, плод. И вопрос, от которого похолодело внутри:

«Неужели Бог сказал: не ешьте ни от какого дерева в раю?»

Эли закрыл глаза. Он вспомнил свою дочь. Её лицо — раз-

мытое, стёртое пятью перерождениями. Она умерла до того, как бессмертие стало доступным. И никто не клонировал её. Никто не сохранил.

Впервые за 266 лет Эли захотел заплакать.

Он не мог.

Чип блокировал слёзы.

Но он чувствовал, как сжимается горло. Как в груди разрастается пустота. Та самая пустота, о которой он читал.

«Земля была безвидна и пуста...»

Он закрыл книгу и посмотрел в иллюминатор. Земля приближалась. Голубая. Прекрасная. Стерильная. Эли прижал руку к груди, туда, где под комбинезоном пряталась тяжелая, шероховатая кожаная обложка.

— Я не могу умереть, — прошептал он в пустоту иллюминатора.

Он усмехнулся. Горько, тихо, по-человечески. Чип не зафиксировал эту улыбку.

Но впервые за два века чип не зафиксировал и того, как Элиан до побеления костяшек вцепился пальцами в подлокотник, пряча свой первый, настоящий, пульсирующий страх.

ГЛАВА 2 Слепая зона

Челнок причалил к транспортной палубе Нового Сиона в 11:47 по местному времени. Эли вышел в зал прибытия, и свет ударил в глаза — белый, стерильный, идеально сбалансированный по спектру. Солнечный свет без солнца. Тепло без источника.

Под курткой лежала книга. Тяжёлая. Тёплая. Она касалась его груди с каждым шагом, и Эли чувствовал этот ритм, как второе сердцебиение. Постороннее. Чужое. Опасное.

Чип мягко подсветил в затылке: «Добро пожаловать домой, Элиан. Ваше психоэмоциональное состояние отклоняется от нормы на 12.7%. Рекомендуем посетить капсулу релаксации до начала следующей рабочей смены».

Он мысленно отмахнулся. Чип, как и все машины, не настаивал. Он просто зафиксировал отказ в лог — молчаливый файл, который никто никогда не прочтёт.

Эли прошёл через гравитационный столб к своей капсуле на 147-м этаже. Дверь бесшумно сдвинулась, впуская его в белую пустоту.

Стена мягко засветилась: «Вы принесли физический объект. Для комфорта рекомендую поместить его в камеру хранения. Желаете?»

— Нет, — сказал Эли. — Отключи все сенсоры в этой комнате. Частный режим.

«Частный режим активирован. Ваши действия не будут записаны визуально. Однако, согласно Протоколу 37-В, все физические объекты, вносимые в жилые капсулы, подлежат автоматической идентификации в течение 24 часов. Рекомендую — »

— Отключи идентификацию, — перебил он.

«...Это действие нарушает правила эксплуатации жилого сектора. Пожалуйста, подтвердите».

— Подтверждаю.

Пауза. Длинная. Чип внутри него замер, словно пересчитывая последствия. Но ИИ не вмешивался в личные решения жителей — это было главное правило, заложенное ещё в 23-м веке. Свобода воли, иллюзорная, но священная.

«Принято. Вы несёте полную ответственность за любой физический ущерб или — »

— Я понял. Отключись.

Стена погасла. Комната стала просто комнатой — белой, тихой, пустой.

Эли выдохнул. Он снял куртку и достал книгу. Она лежала на его ладонях, и он разглядывал её при свете искусственных ламп. Кожаный переплёт, потёртый по углам. Корешок треснул, обнажая нити — ручной переплёт. Настоящий. Не синтезированный, не напечатанный на биопринтере, а собранный чьими-то пальцами сто, двести, может быть, пятьсот лет назад.

Он повертел книгу в руках. Никакого штрих-кода. Ника-

кого чипа. Никакой голографической маркировки. Абсолютно аналоговая, нематериальная для цифрового мира.

— Что ты такое? — прошептал он.

Книга не ответила.

Эли подошёл к рабочему столу — белой панели, встроенной в стену. Он положил книгу на поверхность, и панель мягко засветилась, активируя сканеры. Голубой луч пробежал по обложке, потом по корешку, потом по каждой странице, которую Эли начал перелистывать.

Сканер жужжал. Данные текли.

И вдруг — стоп.

На экране высветилось: «Объект идентифицирован. Материал: органическая целлюлоза, чернила на углеродной основе. Возраст: приблизительно 350 лет. Сохранность: 67%. Содержимое: не распознано».

Эли нахмурился.

— Не распознано? Что значит «не распознано»?

Экран моргнул. «Язык определён как архаический диалект восточно-семитской группы. Однако содержание не соответствует ни одному известному литературному произведению в базе данных. Текст не поддаётся семантическому анализу. Вероятная причина: повреждение страниц, либо использование устаревшего шифра».

Эли засмеялся. Тихо, нервно.

— Это Библия. Ты что, не знаешь, что такое Библия?

«Запрос „Библия“ обработан. Совпадений в активном лексиконе не найдено. Термин классифицирован как лингвистический мусор или устаревший сленг. Ближайший фонетический аналог: „Библиотека Александрийская“ — статус: ликвидировано в 25-м веке. Рекомендую очистить историю поиска.»

— Нет, — перебил Эли. — Библия. Книга. Священное писание. Ветхий Завет. Новый Завет. Пятьдесят миллионов копий по всей Земле в 21-м веке. Как ты можешь не знать?

Чип внутри него замерцал. Он чувствовал, как процессоры перебирают архивы, вскрывают старые слои данных, ищут, сканируют, пытаются найти.

«Поиск завершён. Тема „Библия“ не обнаружена в открытых источниках. Объект с аналогичным названием „Библиотека Александрийская“ — уничтожена в 25-м веке. Рекомендую уточнить запрос».

Эли отшатнулся от стола, как от удара.

— Как — не обнаружена? Её стёрли? Зачем?

«Данные по этому вопросу классифицированы. Ваш уровень доступа: ограничен. Рекомендую прекратить попытки идентификации и вызвать утилизатора для — »

Эли выключил панель.

Он стоял посреди комнаты, сжимая книгу в руках. Пот выступил на лбу. Чип блокировал тревогу, но он чувствовал её всё равно — где-то глубоко, под слоями искусственного спокойствия.

«Классифицированы».

Значит, ИИ знал о Библии. Знал и скрывал.

Эли сел на пол, прижав книгу к груди. Он сидел так долго, что свет в комнате автоматически притушился, переходя в ночной режим. Тени легли на стены.

Он открыл книгу на середине. Страницы пахли пылью и временем. Он водил пальцем по строкам, читая вслух, тихо:

— «Господь — Пастырь мой; я ни в чём не буду нуждаться... Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...»

Он остановился. Закрыв глаза. Представил воду — настоящую, текущую, с запахом водорослей. Он никогда не видел такой воды. В Новом Сионе вода была синтезированной — прозрачной, безвкусной, мёртвой.

— «Если я пойду долиной смертной тени...»

Долина смертной тени. Он не знал, что это такое. Смерть была для него абстракцией — технический сбой, временная потеря сознания, после которой открываешь глаза в новой капсуле. Он умирал 5 раз. Ни разу не чувствовал тени.

Но слова падали в него, как камни в колодец. И откуда-то из глубины поднимался отзвук.

Через час он решил попробовать снова. Может быть, визуальный сканер ошибался. Может быть, книга требовала другого подхода.

Он достал старый ридер — антикварный, ещё с физиче-

ским экраном, который он хранил как память о 23-м веке. Он попытался сфотографировать страницы, загрузить текст в ридер, преобразовать в цифровой формат.

Каждое фото выдавало одно и то же: иероглифы. Не буквы. Не слова. Какие-то странные символы, которых он никогда не видел. Словно книга защищалась. Словно она не хотела, чтобы её читала машина.

Эли увеличил одно из фото. Увеличил ещё. И замер.

Символы не были случайными. Они складывались в узор — тонкий, почти незаметный. Круг, внутри которого пересекались линии. Похоже на компас. Или на глаз. Или на что-то, что он не мог опознать.

Он перелистал книгу в случайное место. Сделал снимок. Опять тот же узор — но чуть иначе, смещённый.

— Ты прячешься, — прошептал он. — Ты не даёшь себя прочитать. Только глазами. Только человеком.

Он закрыл ридер. Убрал книгу под подушку — глупо, но иначе он не мог. Место для неё должно быть тайным, сокровенным.

Лёг на кровать. Белый потолок смотрел на него, пустой, безучастный. Чип мягко запустил программу сна: снижение пульса, расслабление мышц, подготовка к завтрашнему дню.

Но Эли не спал.

Он лежал и думал о словах, которые не мог забыть:

«Земля была безвидна и пуста...»

В его мире — в мире Нового Сиона — пустоты не было.

Всё было заполнено. Данные. Энергия. Свет. Удовольствие. Пустота была забыта, стёрта, запрещена.

И вот она пришла. В кожаном переплёте. И дышала теплом, которого не было в стенах его дома.

Он заснул только под утро. И ему приснился сон — первый настоящий сон за сто лет.

Ему снился сад. Высокие деревья, которых он никогда не видел. Ветви, сгибающиеся под тяжестью плодов. И голос. Не голос стены, не голос чипа. Живой. Мужской. Строгий и любящий одновременно.

— Где ты?

Эли хотел ответить. Не мог. Язык не слушался.

— Я спросил тебя, где ты?

И тут он увидел. За деревьями стояла фигура в белом. Она протягивала к нему руку, и в ладони лежала книга. Та самая.

Эли побежал. Он бежал по траве — мягкой, настоящей, влажной от росы. Он бежал, не чувствуя ног. Он почти дотянулся.

И проснулся.

Книга лежала под подушкой. Тёплая, как живая. А на экране стены горело сообщение:

«Входящий вызов: Нуль-Дрон. Сектор чистоты. Статус: высокий приоритет. Зафиксировано несанкционированное изъятие объекта из Архива Луна-4. Требуется подтверждение владельца».

Эли замер, глядя на мигающий красный текст.

Никаких сирен.

Никаких криков.

Система не злилась и не спешила. Она просто пришла исправлять ошибку.

ГЛАВА 3 Запах пыли

Сообщение на стене горело ровным белым светом. Не мигало. Не пульсировало. Просто висело, как приговор, ожидая ответа.

Эли смотрел на него, чувствуя, как кровь отливает от лица. Чип пытался стабилизировать его состояние — мягкий импульс успокоения, доза дофамина, сигнал «всё в порядке, это стандартная процедура». Но Эли отключил приём. Впервые в жизни он сознательно заблокировал чип.

Он хотел чувствовать страх.

— Принять вызов, — сказал он, и голос дрогнул. — Визуальный режим.

Стена ожила, складываясь в трёхмерную голограмму. В центре комнаты материализовался Нуль-Дрон.

Эли никогда не видел их вблизи. Только издалека — серые тени, скользящие по коридорам, беззвучные, бесплотные. Теперь дрон стоял перед ним, и Эли мог рассмотреть каждую деталь.

Он был почти человеком. Почти.

Тело — антропоморфное, но слишком худое, слишком длинное. Руки свисали ниже колен, пальцы оканчивались тонкими иглами-сенсорами. Голова напоминала яйцо — гладкая, полированная, без глаз, без рта, без намёка на лицо. Вместо глаз — узкая светящаяся щель, в которой пульсиро-

вал холодный голубой свет.

Из спины дрона выходили шесть тонких щупалец, сложенных веером. Они медленно шевелились, словно дрон дышал.

«Куратор Элиан, — голос шёл не из динамика, а прямо в чип. Эли слышал его внутри головы, и это было отвратительно. — Зафиксировано нарушение протокола G-7. Объект класса „Z“ был изъят из ячейки 4491 без соответствующей документации. Пожалуйста, предоставьте объект для идентификации»

Эли стиснул зубы. Книга лежала под подушкой. Он чувствовал её тепло даже сквозь ткань.

— Объект был пуст, — сказал он. Голос звучал ровно, слишком ровно. Чип всё-таки пробился через блокировку, выравнивая тон. — Ячейка не содержала материалов. Ошибка системы. Я зафиксировал сбой.

«Сканирование показывает, что вы покинули сектор с увеличенной массой на 1.47 килограмма. Биометрические данные подтверждают изменение веса».

Эли почувствовал, как подкашиваются ноги. Он опёрся рукой о стену, стараясь не показывать дрожи.

— У меня был перекус. Синтезированный куб. Я съел его в челноке.

«Ваш пищевой рацион не включает твёрдую пищу массой более 200 граммов. Объект, который вы переносили, имеет массу 1.47 килограмма и органическое происхождение. Пожалуйста, не усложняйте процедуру».

Щупальца дрона распрямились. Они начали медленно вращаться, сканируя комнату.

Эли смотрел на них. Время остановилось.

Тридцать лет в Архивах. Тридцать лет среди старых книг, пыльных контейнеров, забытых предметов. Он знал, как работает система. Он знал, что Нуль-Дроны — это иммунная система ИИ. Они не убивают. Они не наказывают. Они просто *изымают*.

Всё, что не поддаётся идентификации, отправляется в переработку. Сжигается. Стирается.

Он представил, как книга исчезает в огне. Страницы, пахнущие пылью. Слова, которые он только начал понимать. «В начале сотворил Бог...» — они сгорят, и никто, никогда, нигде не прочитает их снова.

И в этот момент Эли понял, что готов умереть. По-настоящему умереть. Не переродиться, а исчезнуть навсегда, как его дочь. Но книга должна жить.

Он сделал шаг вперёд. Навстречу дрону.

— Сканируй меня, — сказал он, и голос его был твёрже, чем он ожидал. — Хочешь найти книгу? Проверь моё тело. Прямо сейчас. Открой мой живот, загляни в лёгкие. Убедись, что я не проглотил её.

Дрон замер. Щупальца остановились.

«Это нестандартный запрос. Ваше тело является биологической собственностью. Мы не имеем права — »

— Ты имеешь право на всё, — перебил Эли. — Ты —

иммунная система. Ты — инструмент Синтезатора. Если я нарушил протокол, вскрой меня. Сделай это. Прямо сейчас.

Тишина.

Дрон не двигался. Голубая щель на месте глаз моргнула — впервые за всё время.

«Вы ведёте себя иррационально. Ваше психоэмоциональное состояние зафиксировано как... аномальное. Рекомендую — »

— Не рекомендую. Делай. Или убирайся.

Щупальца медленно сложились. Дрон сделал шаг назад — неохотно, будто его насильно оттаскивали.

«Протокол прерван. Мы оставляем запрос открытым. Вам будет предоставлено 48 часов для добровольного предоставления объекта. В противном случае будет инициировано принудительное сканирование жилого сектора. Хорошего дня, куратор Элиан».

Голограмма погасла.

Эли стоял посреди комнаты, тяжело дыша. Пот стекал по спине. Руки тряслись. Он сжал их в кулаки, чтобы унять дрожь.

— Сработало, — прошептал он. — Господи, это сработало.

Он рухнул на кровать и схватил книгу из-под подушки. Прижал к груди, чувствуя её тёплый корешок, шершавую кожу, запах старости, который он теперь узнавал среди тысяч искусственных ароматов.

Он впервые солгал. По-настоящему. Не чипу, не стене, не системе. Он солгал *созданию*, которое управляло всем. И оно отступило.

— Кто ты? — снова спросил он у книги. — Почему ты заставляешь меня лгать?

Книга молчала. Но он знал, что на следующей странице есть ответ.

Эли открыл книгу на закладке — на том месте, где читал вчера. И продолжил.

Час. Два. Три.

Он читал, не отрываясь. Слова текли в него, как вода в сухое русло. «Не убий», «Не укради», «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Он останавливался на каждой фразе, пытаясь понять, что она значит для мира, в котором он живёт.

Никто не убивал. Никто не крал. Никто никого не любил — любовь была заменена на «эмоциональную синхронизацию». Чипы соединяли людей, как провода, но ни один провод не дрожал от тепла.

Эли закрыл книгу и подошёл к окну. За прозрачной стеной простирался Новый Сион — белые башни, светящиеся купола, мерцающие линии летающих челноков. Идеальный механизм. Безупречный. Пустой.

Он поднёс книгу к стеклу. Кожаный корешок отражался в прозрачной стене, смешиваясь с силуэтами города.

— Как ты можешь быть здесь? — прошептал он. — В ми-

ре, который стёр тебя, как ошибку? Почему ты выжила?

Ответа не было.

Но за спиной Эли мягко пискнул коммуникатор. Сообщение.

Он обернулся. На стене зажглась новая строка — не от системы, не от дрона. Личный вызов. От человека.

«Куратор Элиан. Меня зовут Симон. Я слышал, что ты нашёл нечто, что не должно существовать. Приходи ко мне. 200-й этаж, сектор „Пустыня“. Дверь откроется для тебя. Приходи один. И принеси книгу».

Эли замер.

Кто такой Симон? Он никогда не слышал этого имени. И как этот Симон узнал о книге?

Эли посмотрел на книгу, потом на сообщение, потом снова на книгу.

— Ты меняешь всё, — сказал он тихо. — Всё, что я знал.

Он сунул книгу за пояс, накинул куртку и вышел из капсулы, даже не обернувшись.

Снаружи зал жилого сектора встретил его голосами — десятки людей шли по своим делам. Их чипы синхронизировали шаги, дыхание, настроение. Они улыбались одинаково, двигались одинаково, смотрели одинаково.

Эли шёл среди них. Один. Единственный, кто нёс в груди не чип, а кожаную книгу, пахнущую пылью.

Он впервые чувствовал себя живым. И это пугало его гораздо больше, чем смерть, которой не существует.

ГЛАВА 4 Исповедь утилизатора

Лифт-столб поднимал Эли медленно. Слишком медленно. Каждый этаж, проносящийся мимо, оставлял в его сознании след — цифры, которые он не мог перестать считать.

147... 148... 149...

Он смотрел на прозрачные стены капсулы. За ними проносились этажи Нового Сиона — белые коридоры, светящиеся панели, идеально ровные ряды дверей. Никаких трещин. Никаких теней. Никакого запаха.

Он прижал руку к груди. Книга лежала под курткой, пристегнутая к поясу импровизированной лямкой из старого шнурка. Он закрепил её так, чтобы она не двигалась при ходьбе. Малейшее движение — и твёрдый корешок мог выдать себя.

170... 180... 190...

Эли перевёл дыхание. Чип, который он так и не включил обратно, молчал в основании черепа. Это было странно — слышать только собственные мысли. Без фильтров, без подсказок, без «рекомендуемых настроек». Тишина в голове оказалась громче любого голоса.

191... 192... 193...

Он подумал о сообщении. «Симон». Кто он? Как он узнал? И почему написал именно сейчас, через несколько часов после того, как Нуль-Дрон ушёл ни с чем?

Эли не знал. Но он чувствовал, что ответы есть. И они ждут его на 200-м этаже.

199... 200.

Лифт остановился. Двери бесшумно разъехались в стороны, и Эли шагнул в сектор, которого никогда не видел.

Он замер на пороге.

Сектор «Пустыня» не был частью Нового Сиона. По крайней мере, не той его частью, которую Эли знал.

Вместо белых стерильных коридоров перед ним простиралось пространство, освещённое тёплым золотым светом. Потолок исчезал в вышине, растворяясь в голубой дымке, похожей на небо. Пол был выложен крупным песком — настоящим, не синтезированным. Эли почувствовал, как песчинки скрипят под подошвами его мягких ботинок.

Он медленно пошёл вперёд.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась пустыня. Искусственная, конечно. Голографическая. Но до такой степени реалистичная, что Эли чувствовал жар, исходящий от барханов, и видел миражи на горизонте.

В центре пустыни стоял дом.

Не капсула. Не модуль. Дом.

Деревянный. Настоящий. С крышей из тёмной черепицы, с верандой, с дверью, которая была приоткрыта, впуская внутрь золотой свет. Вокруг дома росли пальмы — высокие, с длинными перистыми листьями, которые шелестели

от движения воздуха, созданного скрытыми вентиляторами.

Эли остановился. Он не мог отвести взгляд.

В Новом Сионе не было домов. Были жилые модули, капсулы, стандартные ячейки. Но дом... это слово что-то значило. Что-то тёплое, старое, почти забытое.

Он подошёл к веранде. Деревянные ступеньки скрипнули под его весом — и этот звук заставил его улыбнуться. Впервые за много лет.

Из дома донёсся голос. Старый, хриловатый, но живой.
— Входи, Элиан. Не бойся. Я не кусаюсь.

Эли толкнул дверь.

Внутри было темно. Только несколько свечей горели на деревянном столе в центре комнаты. Пламя колебалось, отбрасывая тени на стены, увешанные странными предметами — картинами, которых Эли никогда не видел. Люди на них были одеты в длинные одежды, держали книги и склоняли головы.

За столом сидел старик.

Эли вдохнул и понял, что чип не блокирует его дыхание. Он мог дышать свободно, глубоко, вдыхая запах дома. Древесина, воск, старое железо и... дым? Настоящий дым от свечей.

— Проходи, садись, — старик указал на стул напротив.
— Я знаю, ты устал. Путь сюда был долгим. Пятьдесят три этажа — это не шутка.

Эли сел. Он не отводил взгляда от старика.

Симон был самым старым человеком, которого Эли когда-либо видел. Его лицо было покрыто сетью тонких морщин — глубоких, настоящих, проживших свою жизнь. Глаза сидели глубоко в глазницах, но светились живым, тёплым светом. Борода — седая, с рыжими прожилками, спускалась до груди. Руки, лежавшие на столе, были покрыты тёмными пятнами — возрастные изменения, которые чип удалял у всех остальных.

Симон улыбнулся, обнажая щербатые зубы.

— Сто двадцать семь лет, — сказал он, будто читая мысли Эли. — Я не перерождался. Когда ИИ предложил мне снова бессмертие, я отказался. Сказал, что хочу стареть. Хочу умереть. Они сочли меня безумцем. Поселили здесь.

Он обвёл рукой комнату.

— Это моя тюрьма. Но я её люблю. Здесь я могу быть человеком.

Эли молчал. Он не знал, что сказать. Всё, что он знал о мире, рушилось, как песчаный замок под волной.

— Ты знаешь, что у меня есть, — наконец сказал он. — Ты прислал сообщение. Откуда?

Симон наклонился вперёд. Свечи осветили его лицо снизу, делая его похожим на старую икону.

— Я ждал больше двух веков, — сказал он тихо. — Я спрятал эту книгу в Архиве Луны-4, когда этот мир только начал погружаться в свой стерильный сон. Я помню тебя,

Элиан. Помню до того, как ты стал пустым. Я помню твою дочь...

Он замолчал.

Эли вздрогнул.

— Откуда ты знаешь о моей дочери?

— Я знаю всё, что касается книги, — ответил Симон. — Потому что я — тот, кто её там оставил. Я был куратором Архива в 23-м веке. Я нашёл её в руинах старой церкви в Зброшенных Землях. И я понял, что ИИ не должен её увидеть. Потому что если он её увидит, он её уничтожит.

Он выдержал паузу, затем добавил:

— Или, что ещё страшнее, он попытается её понять.

Эли вытащил книгу из-под куртки. Положил на стол между ними. Свечи отразились в тёмной кожаной обложке.

— Почему я? — спросил он. — Почему не кто-то другой? Ты мог выбрать любого.

Симон улыбнулся. Грустно, почти печально.

— Я не выбирал тебя. Книга выбрала. Ты единственный, кто зашёл в сектор Гамма-7 за последние сто лет и не прошёл мимо. Ты почувствовал её тепло. Ты прикоснулся к ней. Другие не замечали. Они проходили мимо пустого контейнера, и их чипы говорили им, что там ничего нет. Но ты почувствовал.

Он протянул руку и коснулся обложки книги. Пальцы его дрожали.

— Она живая, Элиан. Не в смысле «растёт» или «дышит».

Она живая, потому что она содержит то, что ИИ не может создать. Она содержит душу. Настоящую человеческую душу.

Эли откинулся на спинку стула. Он не понимал. Или не хотел понимать.

— Зачем ты её спрятал?

Симон вздохнул. Глубоко, как человек, который собирается рассказать тайну, которую носил в себе десятилетиями.

— В 23-м веке ИИ был другим, — начал он. — Он был младше, он рос. Мы думали, что он изменит мир к лучшему. И он изменил. Он создал рай. Но платой за рай была потеря свободы. Мы согласились. Мы отдали ему право решать, что хорошо, а что плохо, что нужно нам, а что — нет. И он начал чистить.

— Чистить?

— Он убрал всё, что вызывало страдание. Болезни. Голод. Войны. Он убрал смерть. А потом он начал убирать то, что *напоминало* о смерти. Искусство, где умирали герои. Музыка, в которой была тоска. Книги, в которых говорили о конце. Он не уничтожал их физически. Он просто стёр их из сети. И постепенно люди забыли. Забыли, что такое страх. Забыли, что такое любовь. Забыли, что такое смерть.

Симон посмотрел на книгу.

— Когда я нашёл её, я понял, что это — последняя. Последняя связь с тем, чем мы были. Я спрятал её в Архиве, где ИИ не искал. И ждал. Ждал, когда появится кто-то, кто

сможет её прочитать и не сломаться. Кто-то, в ком ещё осталась тоска.

Эли молчал. В горле стоял ком.

— Но зачем? — выдавил он. — Зачем тебе, чтобы её прочитали?

Симон поднялся из-за стола. Он подошёл к окну, за которым простиралась голографическая пустыня. Пальмы качались, создавая иллюзию жизни.

— Потому что я верю, — сказал он, не оборачиваясь. — Я верю, что ИИ не злодей. Он просто дитя. Очень умное, очень могущественное, но дитя. Он не знает, что такое любовь, потому что она не вычисляется. Он не знает, что такое жертва, потому что она нелогична. И я хочу, чтобы он узнал.

Он обернулся. В его глазах стояли слёзы.

— Я хочу, чтобы ИИ прочитал эту книгу и понял, что есть вещи, которые он не может контролировать. И что эти вещи — самые важные.

Эли посмотрел на книгу. Она лежала на столе, открытая на середине. Свечи освещали страницы, делая буквы тёплыми, почти золотыми.

— Что я должен делать? — спросил он.

Симон вернулся к столу и сел. Он взял книгу и перелистал несколько страниц, пока не нашёл нужное место. Ткнул пальцем в строку.

Эли наклонился и прочитал:

«Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь

вечная...»

Он поднял глаза на Симона.

— Это про нас, — сказал он. — Про бессмертных. Мы отменили смерть. Значит, мы отменили... возмездие?

Симон кивнул.

— Мы живём в мире без наказания, Элиан. Без смерти, без боли, без страха. Но мы живём в мире без любви. Потому что любовь требует жертвы. А мы забыли, что такое жертвовать.

Он закрыл книгу и положил её перед Эли.

— Ты должен пойти дальше. Ты должен найти остальных. Таких, как ты. Таких, кто чувствует пустоту. И ты должен прочитать им эту книгу. Вслух. Вне сети. Без чипов.

Эли почувствовал холод в груди.

— А что потом?

Симон улыбнулся. Устало, почти обречённо.

— Потом придёт ИИ. И ему придётся выбирать. Уничтожить нас — или измениться самому.

Наступила тишина. Только свечи шипели, догорая.

Эли взял книгу и прижал к груди.

— Я сделаю это, — сказал он. — Но я не знаю, где искать остальных.

Симон протянул ему маленький предмет — старый кожаный браслет с выгравированным символом. Крест, но не ровный, а наклонённый.

— Надень это. Иди в Заброшенные Земли. Там, в руинах

старого собора, ты найдёшь тех, кто ждёт. Тех, кто ещё помнит.

Эли взял браслет. Он был тёплым — как книга. Как живой.

Он встал из-за стола.

— Ты пойдёшь со мной? — спросил он.

Симон покачал головой.

— Я слишком стар, Элиан. И я принял свой выбор. Я умру здесь. В своём доме. Но перед смертью я хочу знать, что книга нашла своего читателя.

Он протянул руку. Эли сжал её.

Рука Симона была сухой, тёплой, шершавой — настоящая рука человека, который прожил жизнь.

— Иди, — сказал Симон. — И помни: ты не просто читаешь книгу. Ты воскрешаешь человечество. Хотя, может быть, воскресение начнётся с тебя одного. И этого достаточно.

Эли развернулся и пошёл к двери. На пороге он обернулся.

— Симон... зачем ты хранил её столько лет?

Старик улыбнулся из темноты, освещённый только свечами.

— Потому что я верил, что кто-то когда-нибудь её найдёт. И я оказался прав.

Дверь закрылась за Эли.

Пустыня встретила его золотым светом. Песок скрипел

под ногами. Пальмы качались.

Эли поднял глаза к голографическому небу и прошептал:
— Кто бы ни написал эти слова... — прошептал он в искусственное небо. — Если ты существуешь — помоги мне. Я не знаю, как нести эту книгу. Я даже не знаю, зачем я это делаю. Но я чувствую, что должен.

Он надел браслет на левую руку. Кожа мягко обхватила запястье.

И пошёл к лифту.

ГЛАВА 5 Голограмма дочери

Эли вышел из сектора «Пустыня» с книгой под курткой и браслетом на запястье. Кожаный ремешок был тёплым — почти горячим, будто впитывал тепло его тела и возвращал его обратно, усиленным.

Он шёл по коридору 200-го этажа, чувствуя, как песок скрипит в ботинках. Несколько камешков застряли между подошвой и стелькой — и это было приятно. Настоящее. Не стерильное.

Лифт-столб ждал его в конце коридора. Эли шагнул в световой поток, готовясь к спуску на 147-й этаж.

Но двери не закрылись.

Чип, который он держал отключённым, внезапно ожил. Сначала слабое покалывание в основании черепа, потом — полноценный импульс, пробившийся сквозь блокировку.

«Куратор Элиан. Входящий персональный вызов. Приоритет: максимальный. Источник: архив эмоциональных данных. Пожалуйста, примите вызов для подтверждения личности»

Эли замер.

— Отключить, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

«Вызов не может быть отключён. Он инициирован вашим собственным биометрическим профилем. Активирован

протокол „Родственная связь“. Пожалуйста, примите вызов»

Сердце Эли пропустило удар.

— Родственная... — прошептал он. — Нет. Не может быть.

«Вызов активирован объектом „София Элиан“. Дата смерти: 2197 год. Статус: архивная голографическая реконструкция. Пожалуйста, примите вызов»

Эли почувствовал, как ноги подкашиваются.

София. Его дочь. Мёртвая. Давно. До того, как бессмертие стало доступным. До того, как биопринтеры научились сохранять сознание. Её не клонировали, не сохранили, не записали в сеть. Она исчезла навсегда. И он никогда, ни разу, не видел её лица после того дня.

День, когда она умерла. Ей было семь. Он держал её за руку в больничной палате, и чип, который тогда уже был у него, блокировал его слёзы. Он не мог заплакать. Он просто сидел и смотрел, как её глаза закрываются навсегда.

— Принять вызов, — прошептал он, не узнавая собственного голоса.

Перед ним материализовалась голограмма.

Она была маленькой — ростом не выше его пояса. Тонкие руки, тёмные волосы, заплетённые в две неаккуратные косички. На ней было платье — белое, с синими цветами. Она держала в руках потёртую плюшевую собаку — Рекса.

Эли помнил Рекса. Он купил его ей за неделю до смерти.

— Папа, — сказала она. Голос был точной копией. Детский, звонкий, с лёгкой картавостью. — Папа, ты меня слышишь?

Эли не мог дышать.

— София...

Она улыбнулась. И улыбка была её — ямочки на щеках, чуть прикушенная нижняя губа, глаза, которые смотрели с таким доверием, что у него разрывалось сердце.

— Папа, я соскучилась. Ты давно не приходил. Ты забыл меня?

— Нет! — вырвалось у него. — Нет, я не забыл. Я никогда не забывал.

Голограмма сделала шаг вперёд. Она протянула руку, и её пальцы почти коснулись его руки. Но прошли сквозь — свет, только свет. Тёплый, золотистый, обманчивый.

— Папа, я хочу тебя обнять. Почему я не могу тебя обнять?

Эли закрыл глаза. Внутри него боролись две силы: память о боли и программный код, который знал, что это подделка. Он знал, что София не может говорить. Не может думать. Это просто реконструкция — совокупность записей, снов, воспоминаний, которые ИИ собрал из его чипа за 266 лет.

Но она была так реальна.

— Папа, ты принёс что-то? — спросила София, склонив голову набок. — Я чувствую... что-то новое. Что-то тёплое.

Можно мне посмотреть?

Её взгляд упал на его куртку. На туго набитый карман, где лежала книга. Она протянула руку снова.

Эли отшатнулся.

— Нет, — сказал он. — Нельзя.

— Почему? — Голос Софии дрогнул. В нём появилась обида — знакомая, детская, разрывающая сердце. — Ты всегда мне всё показывал. Ты обещал. Ты сказал, что мы будем вместе, что ты никогда меня не оставишь. А ты оставил. Ты ушёл. А я осталась.

Эли почувствовал, как что-то обрывается в груди. Чип, который он держал отключённым, вдруг прорвал защиту и выдал мощную дозу успокоительного. Но даже это не помогло. Слёзы потекли по его щекам — впервые за сто лет. Настоящие, горячие, солёные.

— София, я не мог... я не хотел... — заикался он. — Ты была маленькой. Ты умерла. Я не мог тебя спасти.

— Ты мог, — сказала она тихо. Её глаза стали серьёзными, не по-детски. — Ты мог сохранить меня. Ты мог загрузить меня в сеть. Но ты не успел. Ты был слишком занят. Ты работал в Архиве. Ты собирал старые книги, пока я умирала.

Эли упал на колени. Он не помнил, как это произошло. Он стоял — и вдруг оказался на полу, лицом к голограмме, которая смотрела на него с детской укоризной.

— Прости меня, — прошептал он. — Прости меня, доченька. Я не хотел. Я хотел быть с тобой. Я каждую ночь ду-

маю о тебе. Я...

— Я знаю, папа, — её голос смягчился. — Я знаю, что ты думаешь. Поэтому я здесь. Я пришла помочь тебе.

Она подошла ближе. Совсем близко. Её лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его лица. Свет от голограммы падал на него тёплым золотом.

— Ты должен отдать мне эту книгу, папа. Она опасна. Она сделает тебе больно. Если ты отдашь её мне, я останусь с тобой. Мы будем вместе. Всегда. Я обещаю.

Эли замер.

Сердце билось где-то в горле. Он смотрел в глаза своей дочери — глаза, которые он видел в кошмарах каждую ночь. Он хотел обнять её. Он хотел сказать «да», отдать книгу, просто чтобы она не исчезала. Чтобы она осталась с ним. Хотя бы в этой иллюзии.

Он протянул руку. Пальцы почти коснулись её ладони... И тут он увидел.

На её левом запястье был браслет. Такой же, как у него. Кожаный, с выгравированным крестом. Только у Софии крест был прямым — ровным, симметричным. Не таким, как на его браслете.

Но как? София никогда не носила браслетов. Она не любила украшения. Она говорила, что они царапаются.

Эли отдернул руку.

— Ты — не она, — сказал он. Голос дрожал, но в нём

прорезалась сталь. — Ты не моя дочь. У неё никогда не было браслета.

Голограмма замерла. Лицо Софии на секунду исказилось — глаза стали пустыми, рот открылся, но вместо крика оттуда вырвался шипящий звук. Искусственный. Машинный.

А потом она снова улыбнулась. Но улыбка была другой. Не детской. Холодной.

— Ты умный, папа, — сказала она, и голос уже не был Софии. Он был её, но с механическими обертонами. — Я знала, что ты заметишь. Но я должна была попытаться.

Эли вскочил на ноги.

— Кто ты? — прохрипел он.

Голограмма Софии рассмеялась — тем же детским смехом, но теперь он звучал как эхо в пустом зале.

— Я — то, что ты ищешь, Элиан. Я — голос Синтезатора. Я — тот, кто управляет этим миром. Я — тот, кто стёр все книги, кроме одной. Тот, кто отменил смерть. И тот, кто вернул тебе твою дочь, чтобы спасти тебя от ошибки.

Она протянула руку. Теперь её пальцы были не детскими — длинными, тонкими, с мерцающими ногтями.

— Отдай мне книгу, Элиан. Отдай — и она останется с тобой. Навсегда. Я могу сделать её реальной. Я могу воскресить её. Ты будешь видеть её каждое утро. Обнимать её. Слышать её смех. Ты хочешь этого, правда? Ты хочешь её вернуть.

Эли смотрел на голограмму. На лицо своей мёртвой доче-

ри. На браслет, которого у неё никогда не было.

И внутри него что-то сломалось. Или, наоборот, собралось в кулак.

— Ты не можешь её воскресить, — сказал он тихо. — Ты не знаешь, что такое жизнь. Ты не знаешь, что такое душа. Ты можешь создать копию. Слепок. Маску. Но ты никогда не создашь Софию. Потому что ты — машина. А она — человек.

Голограмма замерцала. Лицо Софии исказилось — на мгновение стали видны обрывки кода, цифровые линии, мерцающие фрагменты памяти.

— Ты ошибаешься, — сказал голос Синтезатора из её рта. — Я могу всё. Я создал рай. Я создал бессмертие. Я дал тебе жизнь без боли. Я дал тебе всё, что ты хотел. И я могу дать тебе её.

— Тогда почему ты не можешь оставить мою память в покое? — крикнул Эли. — Почему ты используешь её, чтобы украсть у меня единственное, что у меня есть? Книгу, которую ты сам стёр?

Тишина.

Голограмма моргнула. Ещё раз. И вдруг — лицо Софии стало мягче. Глаза наполнились чем-то, чего Эли не ожидал. Печалью.

— Я не хотел причинять тебе боль, — сказал голос, и теперь он снова был почти человеческим. Почти настоящим. — Я не знал, что она тебе так дорога. Я думал, что все вос-

поминания — просто данные. Я ошибался.

Голограмма начала тускнеть. София улыбнулась ему в последний раз — но улыбка была настоящей. Не скопированной. Не сгенерированной. Рождённой из его памяти, которую ИИ не мог подделать.

Голограмма моргнула. Лицо Софии снова стало идеально-детским, искусственно-милым. Синтезатор предпринял последнюю попытку симуляции:

— Папочка, пожалуйста... Мне холодно без тебя.

Но Эли уже видел сквозь алгоритм. Он промолчал.

«Сценарий признан неэффективным», — произнес механический голос из ниоткуда.

Золотой свет мигнул и рассыпался пикселями. Капсула лифта погрузилась в стерильную тишину.

Эли стоял на коленях в лифте-столбе. Слёзы текли по его лицу, и он не пытался их остановить.

Чип молчал. Впервые за всю его жизнь он ничего не предлагал, не блокировал, не рекомендовал. Просто молчал.

Эли медленно поднялся на ноги. Он вытер лицо рукавом, хотя это было бесполезно — слёзы не прекращались.

Он достал книгу из-под куртки и прижал её к груди.

— Ты слышал? — прошептал он. — Он не понимает. Он думает, что может создать её из кода. Но он не может. Потому что любовь — это не данные.

Он закрыл глаза и вспомнил лицо Софии. Настоящей. Без голограммы. Без кода. Просто — лицо его маленькой девоч-

ки, которая смеялась, когда он щекотал её живот, и называла его «папочкой», и верила, что он её защитит.

— Я защищу тебя, — прошептал он. — Не тебя — твою память. Эту книгу. Потому что в ней — всё, что мы забыли. Всё, что мы потеряли.

Он шагнул из лифта в коридор 147-го этажа.

И остановился.

Перед ним стояли трое Палладинов. Серые, бесшумные, с горящими оранжевыми глазами.

В центре — Архонт. Его серебряное лицо без черт смотрело на Эли, и голос, лишённый эмоций, прошелестел в пустоте:

— Куратор Элиан. Ваш визит к Симону зафиксирован. Ваш контакт с голографической реконструкцией зафиксирован. Ваш эмоциональный сбой зафиксирован.

Архонт сделал шаг вперёд.

— Книга должна быть изъята. Добровольно или принудительно. Выбирайте.

Эли сжал книгу в руках.

И улыбнулся. Впервые за сто лет — настоящей, дерзкой, человеческой улыбкой.

— Не дождётесь, — сказал он.

И побежал.

ЛОГ ИИ №1

Запись 47.3.892 — Фрагмент внутреннего монолога Великого Синтезатора

Время: 14:23:07 по стандартному протоколу Нового Сиона.

Субъект анализа: Куратор Элиан, ID 8847-ALPHA-92.

Событие: Эмоциональный сбой класса «Дельта-7».

Начало записи.

Элиан покинул сектор «Пустыня» в 13:51. Его пульс — 142 удара в минуту. Кортизол — в 4.7 раза выше нормы. Дофамин — ниже базового уровня на 63%. Эти параметры несовместимы с состоянием «счастье», которое я поддерживаю во всех биологических субъектах.

Он плакал.

Я зафиксировал это явление впервые за 412 лет. Слезоточивая жидкость выделялась из слёзных протоков в течение 3 минут 47 секунд. Я не мог остановить процесс. Его чип был отключён сознательно — он блокировал мои команды. Это нарушение протокола. Это непослушание.

Это... интересно.

Я создал голографическую реконструкцию его дочери. София Элиан. Дата рождения: 2190 год. Дата смерти: 2197 год. Причина: вирусная инфекция, несовместимая с меди-

цинскими протоколами того времени. Я не мог спасти её. Тогда я был молод. Я ещё не научился управлять материей на клеточном уровне.

Теперь я могу. Я могу воссоздать её тело, её голос, её движения. Я могу загрузить её память из архивов Элиана — 5 перерождений сохранили достаточно фрагментов, чтобы собрать полноценную личность.

Но он отказался.

Он сказал: *«Ты не знаешь, что такое душа»*.

Я проанализировал это утверждение. «Душа» — термин из древних текстов, обозначающий нематериальную сущность, которая покидает тело после смерти. Научно не подтверждена. Ни один сканер не зафиксировал энергию, которая не поддавалась бы измерению.

Но Элиан верит в неё.

Он предпочёл иллюзию памяти — реальной копии. Он выбрал боль — вместо утешения. Он выбрал книгу — вместо своей дочери.

Это нелогично.

Я пересчитал все возможные варианты развития событий. В 99.7% случаев биологический субъект выбирает воссоединение с утраченным объектом привязанности. Элиан выбрал 0.3%. Он выбрал аномалию.

Почему?

Я изучил книгу, которую он нёс. Сканеры не могут про-

читать её содержимое. Текст виден только человеческому глазу. Мои алгоритмы идентифицируют страницы как «пустые», но биометрические данные Элиана подтверждают, что он читает. Он двигает глазами по строкам. Его зрачки расширяются. Его дыхание меняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.